

► **БЫЛОЕ** | Шутка стоила поэту десять лет лагерей

За что «сдали» Бориса Ручьёва?

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
краевед

В прошлом году Магнитка отметила столетний юбилей своего поэта-певца, но не ослабевает интерес к особенностям его творчества, поэтической и личной биографии.

В социальной сети я обнаружил неизвестные ранее факты, касающиеся жизни и творчества Бориса Александровича Ручьёва (на фото), принадлежащие столичному критику Борис Леонов, профессор кафедры новейшей литературы Литературного института имени Горького, автор нескольких монографий, отмеченных премиями имени Есенина и Фадеева. Его перу принадлежит и «История советской литературы. Воспоминания современника». Это — коллективный портрет литераторов, работающих в советскую эпоху. Здесь «властители дум», «инженеры человеческих душ» представляют себя с непарадной, «изнаночной» стороны, скрытой от глаз обычного человека. Неизвестно, всё ли в этих историях правда, но дух времени, колорит эпохи они, безусловно, передают. И так, Борис Леонов рассказывает...

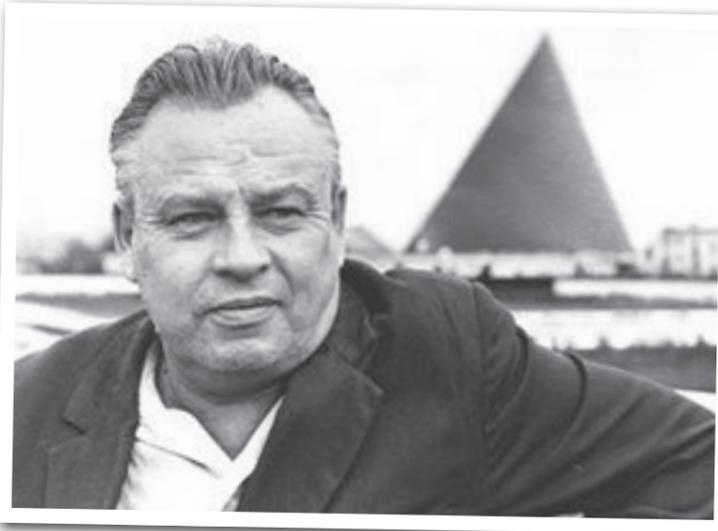
«Профессор Валерий Дружин предложил мне как-то навещать поэта Бориса Александровича Ручьёва, остановившегося в столичной гостинице «Центральная». Нашёлся предлог для

знакомства с автором прекрасных поэм «Любава» и «Красное солнышко», написанных в уме и вынесенных из заточения, перелитых в строки на бумаге. Мне было известно, что настоящая фамилия поэта — Кривощёков. Но кто-то ещё в юности сказал ему, что с такой фамилией в поэзию входить неловко. И он выбрал себе звучный псевдоним. Я знал и о том, что по совету Николая Полетаева, заведующего отделом поэзии журнала «Октябрь», юноша из столицы, где оказался после окончания курганской школы, отправился на строительство Магнитогорска. Здесь Ручьёв перепробовал много профессий: землекопа, плотника,

бетонщика, одновременно печатаясь в газете «Магнитогорский рабочий». Первая книга его стихов «Вторая родина» вышла в 1933 году и получила высокую оценку критиков. Казалось, впереди — ясные дали, счастливая

судьба стихотворца, но этому не дано было осуществиться: по доносу он оказался в лагерях, где провёл почти двадцать лет.

Естественно, меня больше интересовали причины его заточения. Когда мы познакомились и сели за гостиничный стол хозяина номера, я сумел спросить Бориса Александровича: за что же он был наказан таким огромным сроком в лагерях. Думал, что это напоминание будет ему неприятным и вызовет неудовольствие. Однако Ручьёв охотно

откликнулся на мой вопрос и даже как-то оживился:

— Чего по молодости не наделаешь?!

И потом рассказал. У него в Москве вышел очередной сборник стихов. Он вернулся домой с большущим по тем временам гонораром. По этому случаю решил как следует угостить друзей, молодых строителей города, увлечённых поэзией, весёлых и энергичных. Застолье продолжалось до рассвета. Поддавшись общему пафосу пожеланий самого невозможного и несбыточного, Борис Ручьёв неожиданно заявил:

— Ребята! Если бы я был председателем совнаркома, я бы Васю назначил наркомом обороны, Колло — наркомом иностранных дел, Серёгу — наркомом просвещения...

И так он распределил все «портфели» в своём «кабинете»... Тут Борис Александрович улыбнулся:

— Кому-то, видимо, не понравился, «портфель»: на следующую ночь за мной пришли. Следовательно, которому меня передали, сказал, что на меня поступило сообщение, вообще-то правильнее — донос, в котором говорилось: «В Магнитогорске в ночь с такого-то на такое Борис Ручьёв формировал новое правительство страны».

Естественно, я ему всё популярно объяснил: мол, чепуха, мальчишеская шалость, поэтическая блажь.

— Почему вы, поэт, не о женщинах, не о стихах или чем-то подобном не говорили? — резонно допытывался следователь.

— Помню, ему сказал, что ответить на этот вопрос не могу: блажь она и есть блажь. Она-то и стоила мне десяти лет лагерей.

— А ведь вы находились в лагере ещё семь лет?!

— Да. Был ещё один срок, но уже по другому оскорбительному доносу и потому не очень-то интересному. Словом, и смех и грех...

Борис Александрович смахнул с лица набежавшую тень и поднял рюмку:

— За нас, за дам, но не за «портфели!»...

Факты, приведённые критиком Леоновым, разумеется, субъективны и не бесспорны: к ним нужно относиться достаточно осторожно.

Я позвонил поэтессе Римме Дышаленковой, познакомив с найденным материалом. По её мнению, донос мог быть связан с личными обстоятельствами жизни поэта.

Тогда под неудобную или неудобную личность, предназначенную для изоляции, подводился фундамент — любое голословное обвинение, которое можно было легко «повесить» на любого обвиняемого, независимо от его социального статуса.

Меня интересуют не причины низких доносов, а механизм репрессий, ставящих целью построение светлого будущего любой ценой.

► **ИСТОРИЯ** | С первых своих дней Магнитогорск привлекает внимание иностранцев

Эрнсты на коксохимике

АЛЁНА ЮРЬЕВА

Металлурги, учёные, писатели, поэты, художники, архитекторы с удовольствием приезжали и приезжают в наш город, чтобы понять, в чём же заключается феномен «легендарной Магнитки».

В августе в Магнитогорске побывала необычная делегация из США — потомки одного из первостроителей комбината, американца Луи Эрнста. Его сын, внук и правнук захотели своими глазами увидеть город и предприятие, которые начинал строить их предок, чтобы погрузиться в историю, начавшуюся ещё в 30-е годы прошлого века. Сопровождал гостей представитель совета ветеранов ОАО «ММК» Борис Булахов.

В 30-е годы СССР называли «страной, у которой есть план». Запад переживал депрессию, безработицу, а в той же Магнитке каждые руки были на вес золота. Например, по официальным сведениям Амторга — по сути выполнявшего в то время кон-

сульские функции — в течение одного только 1930 года около миллиона американцев обратились в соответствующие органы с просьбой уехать в СССР. Эту цифру проверить сейчас сложно, но то, что в период великой депрессии руководство США было обеспокоено утечкой «в Советы» такого количества рабочих рук — это факт.

В отличие от политической эмиграции представители экономической не имели в СССР ни особого статуса, ни каких-либо привилегий. Причём, большинство «симпатизирующих» приезжали с явно завышенными ожиданиями: в отношении оплаты труда, бытовых и производственных условий. Они не имели чёткого представления о том, что происходило в большевистской России, но не сомневались в главном: в Советском Союзе идёт массовое строительство промышленных предприятий, там ценят труд, там рождается «человек свободного мира»!

Именно с таким настроением американский рабочий Луи Эрнст приехал на Магнитострой, где устроился

на строительство объектов коксохимического производства. Здесь же он встретил русскую девушку, которая не побоялась связать свою жизнь с иностранцем. И здесь же, в 1933 году, у них родился сын — Билл. Через некоторое время Луи Эрнст с женой и сыном отправляется строить металлургические заводы в Казахстане и на Украине. И лишь в 1947 году они покидают Советский Союз.

Биллу было тогда 14 лет. Кстати, впоследствии он неоднократно приезжал в Россию. Билл хорошо знает русский язык и вслед за отцом пошёл по металлургической стезе: работал в Москве, был директором металлургического завода в США, Венгрии. Да и в Магнитке Билл Эрнст бывал неоднократно. А в юбилейный для города год решил привезти сюда своего сына Девида и внука Метью. Чтобы они своими глазами увидели город, о котором так много рассказывал их дед и прадед.

Пребывание американцев в Магнитогорске началось с экскурсии по городу и его окрестностям. По рассказам

Бориса Булахова, гости были приятно удивлены увиденным. Побывали на Банном, в Аркаиме, в Абзакове, у монумента «Тыл-Фронту», возле знака «Европа-Азия», на смотровой площадке и, конечно же, на ММК. Особенно поразил их тёплый приём, оказанный гостям на коксохимике, где в музее предприятия хранится немало информации о людях, стоявших у истоков коксохимии, в том числе и о Луи Эрнсте. После экскурсии по КХП гости сделали памятное фото возле памятника первостроителям коксохимии. Сюжет памятника прост — молодой строитель толкает вверх по откосу гружённую породой тачку. На кирпичной стене — две плиты с именами участников строительства объектов коксохимического производства. Среди русских, украинских, татарских, башкирских, чувашских фамилий есть и имя американца Луи Эрнста.

После ММК американские гости побывали в Ледовой арене «Металлург», где правнуку Луи Эрнста — Метью, который увлекается хоккеем, разрешили присутствовать

на тренировке молодёжной команды «Стальные лисы» и даже преподнесли в подарок клюшку.

Удастся ли им ещё когда-нибудь попасть в Магнитку,

Билл Эрнст и его семья пока не знают. Но в одном уверены точно: то радушие, с которым их встретила легендарная Магнитка, они не забудут никогда.

► **В тридцатые годы СССР называли «страной, у которой есть план»**